

СТРУКТУРА «ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН — ТОПОНИМ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ структуры «географический термин — топоним» представляет определенный научный интерес, так как некоторые аспекты топонимических исследований связаны с рассмотрением отношений ее компонентов (генезис имени собственного, состав топонимического лексического сопоставление апеллятивной и ономастической лексики и др.). Изучение географических собственных имен как функциональной системы невозможно без понимания лексических и грамматических особенностей термина и топонима в составе единой конструкции.

Как показал анализ текстов¹, структура функционального топонимического типа представлена в следующих вариантах: свободно используемый склоняемый топоним (в Москве), термин — склоняемый топоним (в городе Ильичевске), топоним и термин в качестве контекстных синонимов с отношением тождества (в Иркутске ... в городе, город = Иркутск; в Черемхово ... в городе, город = Черемхово), термин — неизменяемый топоним (в городе Чертково), свободно используемый несклоняемый топоним (произошло в Лохово).

Немногие статьи, касающиеся названной проблемы², вызваны

---

¹ Исследованный материал представлен жанрами, которые с точки зрения использования географических терминов можно считать тождественными. Это — информационные жанры в широком значении слова, для которых необходима точность при обозначении географических объектов. Топонимы употребляются здесь в своей основной, адресной функции. Составленная автором картотека насчитывает более 10 000 наименований. Основными источниками послужили следующие газеты: «Правда» (1920—1970 гг.); «Восточно-Сибирская правда», орган Иркутского областного комитета КПСС и областного Совета депутатов трудящихся; «По ленинскому пути», орган Куйтунского районного комитета КПСС и районного Совета депутатов трудящихся; «Рассвет коммунизма», орган Шелеховского горкома КПСС и городского Совета депутатов трудящихся; «Черемховский рабочий», орган Черемховского горкома КПСС и городского Совета депутатов трудящихся; «Путь к коммунизму», орган Тулунского городского и районного комитетов КПСС и городского и районного Советов депутатов трудящихся; «Санктпетербургские ведомости», газета политическая и литературная. Спб, 1859.

² А. В. Миртов. Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны. — ВЯ, 1953, № 4; Д. Э. Розенталь. Практическая сти-

практическими задачами. Работы носят преимущественно рекомендательный характер, в них не исследуются отношения собственного и нарицательного наименований объекта в составе единой конструкции.

В предлагаемой статье анализируются трансформации структуры «термин — топоним», происходящие в процессе функционирования географических собственных имен.

§ 1. Роль форманта в топониме — функциональной единице

В лингвистической литературе по вопросам синтаксиса структура «термин — топоним» отнесена к группе словосочетаний с приложением, что представляется спорным, так как в конструкции с приложением компоненты принадлежат к единой системе — системе нарицательных имен, а словосочетание «термин — топоним» состоит из имени нарицательного и имени собственного. Тем не менее очевидно и объединяющее начало: в обоих случаях члены словосочетания представляют собой параллельно изменяющиеся существительные. Вполне правомерно ожидать, что указанные синтаксические конструкции имеют как общие, так и индивидуальные закономерности функционирования.

В развитии структуры из двух имен существительных определяющими являются лексические значения ее компонентов³. А. Х. Востоков выявил тенденции развития словосочетаний этого типа: «...одно из существительных всегда стремится к двум крайностям: или слиться с другим существительным (поэт-художник, механик-самоучка и т. д.)... или уже совсем оторваться от него при помощи обособления»⁴. Это свидетельствует об отсутствии семантического равновесия имен в составе конструкции.

Первая из названных тенденций наиболее полно проявляется в процессе «склеивания слов», срастания их — в лексикализации словосочетаний. Препозитивное существительное перестает склоняться, становится неотъемлемой частью другого (жар-птица, горе-человек, бой-баба). В результате действия второй тенденции

листика русского языка. М., 1965, стр. 255—256; А. В. Суперанская. Склонение собственных имен в современном русском языке. — В кн.: Орфография собственных имен. М., 1965; Г. А. Качевская. Склоняются ли Пушкино, Тушино, Шувалово? — «Русская речь», 1968, № 4; Л. П. Калакуцкая. О склонении имен собственных (морфологический тип на -а неударное). — В сб.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970; В. Н. Вакуров, А. В. Калинин. Язык и стиль газеты. — В кн.: Работа над словом. М., 1971.

³ Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. Издание 3-е. М., 1912, стр. 184; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 79—80; К. П. Орлов. Грамматическая сущность приложения в современном русском литературном языке. — НДВШ. «Филологические науки», 1960, № 4, стр. 29—35.

⁴ А. Х. Востоков. Русская грамматика Александра Востокова по начертанию его же сокращенной грамматики, полное изложение. Изд. 4-е. СПб, 1839, стр. 387.

происходит максимальное разграничение синтаксических функций компонентов — приложение обособляется.

Словосочетания «топоним — термин» обнаруживают в своем развитии направления, лишь внешне совпадающие с теми, которые отмечены в системе нарицательных имен. Хотя используются те же грамматические средства, их назначение носит топонимический характер.

Возникновение сложных слов на базе препозитивного определения и субстанции является общезыковой закономерностью, существовавшей еще до распада индоевропейских языков⁵. Но если в словосочетаниях с приложением это явление встречается сравнительно редко, то в топонимике множество географических названий появилось на основе «склеивания слов».

Красноречива этимология названий типа Маркштадт, Гамбург, Ашхабад, Кейптаун и т. п., в которых вторая часть (-штадт, -бург, -абад, -таун) в языке-источнике является географическим термином со значением «город». Эта модель образования собственного географического имени свойственна многим языкам. Она определена в значительной степени отношениями собственного и нарицательного имен объекта.

Лексикализация словосочетаний в системе нарицательных имен дает новое слово со значением, отличающимся от значения каждого из компонентов. Возникновение сложного слова из сочетания имени собственного с нарицательным представляет собой переформление лексемы собственного имени. Словосочетание лексикализуется, но сложное слово в этом случае имеет отношение к топониму только как его генетическая форма: *Уж город* — словосочетание; *Ужгород* — сложное слово с этимологической точки зрения. Изменилось соотношение компонентов наименования, однако его топонимическое содержание осталось прежним. Вместо словосочетания *Уж город* получили иное — город *Ужгород* (*Ужгород* — город).

Существо процесса состоит в том, что лексема собственного имени как бы поглощает лексему нарицательного — географического термина. Этот процесс теоретически бесконечен: к новой лексеме может присоединиться аналогичный термин, например, в языке-преемнике, и т. д. Возможность такого «объединения» топонима и термина еще раз подтверждает: 1) топонимическое значение географического собственного имени не зависит от значения исходного аппеллятива; 2) в тополексе заключено единственное значение — топонимическое.

Итак, сформулированная А. Х. Востоковым первая тенденция — стремление компонентов слиться в единое целое — при рассмотрении структуры «топоним — термин» фактически оказывается разновидностью второй, противоположной: один компонент стре-

---

⁵ См.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968, стр. 157.

мится оторваться от другого. В результате собственное имя освобождается от нарицательного, «поглощая» его лексему. Чтобы высвободить топоним из конструкции «топоним — термин», необходимо передать через собственное имя объекта значение географического термина.

Изучение старых славянских моделей свидетельствует, что первоначально топонимические названия могли быть образованы лишь от строго ограниченного круга лексем. Выбор суффикса определялся тем, от какого слова образуется топоним⁶. Стремление передать вместе с топонимической информацией значение нарицательного имени привело к изменениям в словообразовании в славянской топонимике: суффикс выбирается в соответствии с географическим объектом, получающим название⁷. Здесь уже налицо тенденция удерживать значение нарицательного существительного через словообразовательную модель собственного.

Анализ топонимического материала газет показывает, что как функциональная единица топоним очень незначительно связан с наличием или отсутствием у него форманта, с закрепленностью значения форманта, его общеизвестностью. Суффикс *-ск* не в такой мере «сигнализирует» о собственном имени города, как это кажется, когда звучат топонимы Новосибирск, Иркутск, Красноярск и т. п.⁸. Совершенно в той же мере «сигнальны» конечные *-а* в именах Москва, Рига, Варшава. Названные топонимы объединяются активностью употребления в письменной и устной речи. Любой из них обладает хотя бы минимальной топонимической информативностью, значимостью: употребляясь без термина, передает его значение (Москва = город Москва и т. п.). С этой точки зрения они могут быть включены в один функциональный ряд.

Факт, что суффиксу *-ск* не принадлежит решающая роль в соотношении топонима с термином, подтверждается использованием соответствующих названий в языке газеты: они употребляются с термином «город» на тех же основаниях, что и другие, не имеющие столь «говорящего» форманта («Правда», 1970): города Братска (6 авг.), города Никольска (22 дек.), города Первомайска (24 нояб.), города Новомосковска (24 нояб.).

Необходимость термина рядом со многими из перечисленных собственных имен городов вполне объяснима, если учесть следующие примеры: «Правда», 1970 год — «в рабочем поселке Жигулевске» (24 янв.), «деревни Вильчинск» (29 июня); «Восточно-Сибирская правда», 1970 год — «в селах Оёк и Балаганск» (27 янв.),

⁶ Ю. А. Карпенко. О синхронической топонимике.— В сб.: Принципы топонимики. М., 1964, стр. 52—53.

⁷ Г. П. Бондарук. Функционирование топонимов (по материалам новгородских памятников XIII века).— В сб.: Топонимика. Вып. 1. М., 1967, стр. 18—19.

⁸ Н. М. Шанский высказал противоположную точку зрения, отнеся топонимы на *-ск* к группе названий, «в строении которых есть указание на их значение, именно на то, что они являются именем города» (Н. М. Шанский. О некоторых географических названиях. — «Русский язык в школе», 1960, № 3, стр. 89).

«села Егоровска» (27 янв.), «обновленного таежного села Васильевск» (15 сент.), «села Нукуты, Маниловск, Чичиковск» (13 сент.), «из поселка Октябрьск» (22 сент.), «село Иваничesk» (1 окт.).

Бесспорно, что большинство названий с формантом -ск в русской топонимике являются именами городов. Но даже если число исключений очень невелико, «узнаваемость» форманта, его информизирующая способность практически сводится к нулю. Правда, можно говорить о более общем значении суффикса -ск-, о значении «населенный пункт», но и здесь — только тенденция. «Говорящий» формант -ск встречаем и в названиях объектов иных классов: «в притоках реки Кубань — Лаба, Пшиш, Прикумск, Афипс» («Правда», 15 июня 1970 г.). Главное, нет гарантии, что встретившийся топоним не относится к группе подобных нечастых примеров и что количество их не будет возрастать.

Функционирование топонимов — процесс их взаимодействия, сопоставления и противопоставления — перечеркивает все тенденции, которые преследуют цель выразить в лексеме собственного имени значение нарицательного. Нет форманта, который оказался бы принадлежностью единственного класса названий. Это положение распространяется даже на суффикс «град, город»: «из села Славгород» («Правда», 26 нояб. 1970). И нет форманта, который в силу закрепленности своего значения не допускал бы употребления при нем нарицательного имени объекта: «города Сталинграда» («Правда», 24 нояб. 1950), «гор. Ленинграда» («Правда», 2 сент. 1950), «города Волгограда» («Правда», 27 дек. 1970), «города Ботевграда» («Правда», 9 авг. 1970).

Неспособность формантов дифференцировать классы объектов вызвана многими причинами: во-первых, наличием в географической терминологии ряда слов с разным лексическим значением и общей категорией рода — станция, деревня, станица, река и т. д.; во-вторых, топонимической омонимией, в результате чего один топоним может быть использован с разными географическими терминами — город Иркутск, станция Иркутск; в-третьих, изменением собственного имени при неизменном нарицательном (переименование объекта) и изменением нарицательного имени при неизменном собственном (село становится городом, а собственное имя остается прежним).

Все эти факторы, обнаруживаемые при анализе употребления топонимов в газете достаточно определенно, делают невозможной ориентацию на информизирующую способность родовых окончаний географических терминов и суффиксов топонимов. Это очевидно, когда речь идет о топонимах русского происхождения. Что же касается текстов газеты с ее топонимическим многоязычием, то здесь полностью перечеркивается даже незначительная вероятность подобного соотнесения собственного и нарицательного имен объекта.

Таким образом, «склеивание» компонентов структуры «топоним — термин» и непосредственно связанный с ним формантный спо-

соб освобождения географического собственного имени от нарицательного не оказываются действенными, так как не позволяют собственному имени передать значение географического термина.

§ 2. Эллипсис в топонимике

Топоним возникает рядом с нарицательным именем объекта — географическим термином и в непосредственном взаимодействии с ним получает дальнейшее развитие.

Как обнаружено исследователями древних славянских топонимов, центральная роль в процессе называния принадлежала определению. На этот факт указывали Л. П. Якубинский⁹ и Л. А. Булаховский¹⁰, изучавшие историю определительных конструкций в русском языке и ее отражение в памятниках письменности. Н. П. Костина¹¹ отмечает препозитивное употребление определений с географическими терминами. Постпозитивное не встретилось автору ни разу: «чусовая река, по чусовой реке, пристань чусовой реки... Новъ город, нижний новъ город, до нижнева нова города, в нижнем новом городе».

Прилагательное-определение подчинялось определяемому слову и согласовывалось с ним в соответствующих морфологических характеристиках — в роде, числе и падеже. По мере того как адресная функция вытесняет функцию определения, становится возможным самостоятельное употребление первой части конструкции — эллипсис. Прежде всего это касается имен, которые пользовались значительной известностью и часто употреблялись: «Съ горы сея, иде же послѣ — же бысть Киевъ» (Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи, ч. 1. М. — Л., 1950, стр. 12—13).

Образование эллиптированных названий возможно лишь в случае, когда имеются условия для восполнения недостающего речевого звена. Развитие отношений топонима и термина направлено к становлению топонима в качестве эквивалента структуры «термин — топоним».

Эллипсис в топонимике проявляется двояко — эллипсис на уровне языка и ситуативный, контекстуальный эллипсис. Контекстуальный эллипсис распространяется на структуру «географический термин — топоним» независимо от класса называемого географического объекта. Контекст может представлять собой или единичный газетный материал, в котором использован данный топоним: «в город Лукоянов нашей области (г. Горький)...», «Лукоянова, в Лукоянове» («Правда», 21 июля 1970 г.), — или несколько материалов в разных номерах газеты («Правда», 1935):

⁹ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 213—214.

¹⁰ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, ч. 2 (исторический комментарий). Киев, 1953, стр. 286—292.

¹¹ Н. П. Костина. Из наблюдений над определительными конструкциями в русской топонимике. — ВТ, № 2. Свердловск, 1965, стр. 28—29.

«станция Негорелое» (13 мая), «на станцию Негорелое» (17 мая, 10 июня, 23 июля), «через Негорелое... в Негорелом» (7 авг.), «со станции Негорелое» (8 авг.), но ср.: «сегодня через Негорелое прибыла в СССР сборная футбольная команда Праги» (4 сент.), «из Негорелого... получена следующая телеграмма» (28 сент.).

При контекстуальном эллипсисе сохраняется необходимость в нарицательном имени объекта, но меняется форма его соотносительности с собственным: они не являются частями единой структуры, а выступают в качестве контекстных синонимов.

Эллипсис на уровне топонимической системы в целом является одним из средств разделения географических собственных имен по топонимическим классам. Ю. А. Карпенко находит возможным говорить о «маркированности» топонимов по признаку «наличие номенклатурного названия» (географического термина): «...различие топонимических классов... осуществляется (помимо дифференциации словообразовательных аффиксов) таким образом, что одни классы теряют номинативное название, а другие сохраняют его в составе топонимического имени»¹² (Черное море, Ладожское озеро, Беломорско-Балтийский канал, остров Врангеля, гора Медвежья — но Африка, Азия, Латвия, Куба и т. д.). Преимущественно эллипсис распространяется на наименования крупномасштабных объектов (названия материков, стран, республик и т. д.).

В любом своем проявлении эллипсис основывается на способности географического имени одновременно с собственной семантикой обозначать названный объект как принадлежащий к определенному классу (город, озеро, остров и т. д.). Регулярно появляясь в языковом тексте совместно с нарицательным именем объекта, собственное имя «словарно как бы вбирает в себя исчезнувшее существительное и начинает обозначать уже не только то, что оно обозначало раньше... а еще и то, что обозначало это существительное»¹³. Имя становится значимым не только в топонимической системе, но и на уровне нарицательных имен. Оно как бы возвращается в эту систему и выполняет функцию ее лексических единиц, но качественно иначе: слово обозначает то же самое, что и соответствующий географический термин, но при этом имеет лексему собственного имени и адресное значение в качестве основного. Так, значение слова «город» не выражено в звуковых комплексах Калуга, Двинск, Свободный, но в результате регулярного функционирования имен совместно с географическим термином эта информация закрепились за ними.

Способность топонима выполнить в языке одновременно функцию собственного и нарицательного имени определяет ту минимальную информативность, без которой он не может быть самостоятельной функциональной единицей. От информативности зави-

¹² Ю. А. Карпенко. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования).— В сб.: Изучение географических названий. «Вопросы географии», сб. 70. М., 1966, стр. 11.

¹³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, стр. 150.

сит способность имени к эллиптированию; наличие — отсутствие ее показывает, стал ли топоним носителем минимальной информации о свойствах названного им объекта.

Топонимическая значимость имени, начало и ядро которой составляет значение географического термина, определяется экстралингвистическими причинами. Она зависит от роли названного объекта в жизни данного коллектива и от необходимости частого использования его названия.

Ю. А. Карпенко пишет: «Если... более логично называть географические объекты двумя словами (определение и определяемое), то именовать их одним словом — более экономно. Функционирование топонимов и приводит к распадению старых топонимических словосочетаний»¹⁴. В результате проявления эллипсиса стало возможным разделение нарицательных и собственных имен географических реалий. Об этом эллипсисе писал и Б. А. Серебренников как об отличительной черте русской топонимики¹⁵. И только рассматривая эллипсис как средство вычленения собственных географических названий в особую категорию, можно назвать структуры «термин — топоним» «старыми топонимическими словосочетаниями». Термины продолжают «прочно стоять рядом с подлинно собственными именами»¹⁶. Нет ни одного топонимического класса, в котором эта структура полностью вышла бы из употребления и полностью заменилась новой, равнозначной прежней.

Лишь через определенное время, после длительного употребления рядом с географическим термином топоним может перейти к самостоятельному функционированию. Но есть географические названия, редко появляющиеся в газете, которые, если не учитывать контекстуального эллипсиса, употребляются только в составе конструкции «географический термин — топоним».

Конструкции «географический термин — топоним» в современной системе топонимических названий распадаются не как устаревшие для топонимики в целом, но всегда как изжитые только для данного, этого географического имени. Замена словосочетаний свободно используемым топонимом не говорит о замене одной формы функционирования собственного имени другой, а характеризует этап развития конкретного названия — включение его в языковую систему как единицы, значимой на уровне собственных и нарицательных имен.

---

¹⁴ Ю. А. Карпенко. Становление восточнославянской топонимии, стр. 10.

¹⁵ Б. А. Серебренников. О методах изучения топонимических названий. — ВЯ, 1959, № 6, стр. 39.

¹⁶ А. А. Реформатский. Топономастика как лингвистический факт. — В сб.: Топономастика и транскрипция. М., 1964, стр. 24.